

Рука, нарезающая мясо, резко замерла, и бабушка вздохнула:

— Прошло, наверное, семь или восемь дней.

— Ты уверен, что она просто ушла?

Бабушка обернулась и взглянула на старшего внука. Кун Сюмей скорее сбежала с другим мужчиной, чем просто ушла из дома. Но такие слова не стоило говорить ребенку, поэтому она выбрала обходной путь:

— Кто его знает, может, через пару дней и вернется!

Вернется через пару дней?

Этого невозможно!

Ван Даху с мрачным видом подумал: в прошлой жизни Кун Сюмей так и не вернулась.

Что он чувствовал к этой женщине? Он и сам не мог сказать.

Жалел ли он ее? Конечно, жалел.

Была ли она несчастна? Конечно, была.

Не должна ли была сбежать? Конечно, должна.

Но как же Цинжань?

Что будет с ним, таким же несчастным и одиноким?

Что будет с ним, брошенным матерью и обреченным на еще более горькую жизнь?

Как он выжил в прошлой жизни?

С отцом, страдающим психическим расстройством.

С матерью, которая сбежала. Как он, такой маленький, смог выжить?

Его Цинжань был таким милым, добрым и так хотел счастья. Почему же небеса были так скупы и не дали ему даже крошечной надежды?

— Хуцзы, чего ты плачешь?

— Да! Это от дыма... Бабушка, пусть сегодня Цинжань останется у нас ночевать!

— Что скажешь, то и будет!

Вечером Ван Даху лежал под одеялом, тихо глядя на Ли Цинжана рядом.

С тех пор как он принес его домой, тот все время спал и не просыпался.

Холодный лунный свет зимней ночи проникал в окно, делая его и так бледное лицо еще более прозрачным. Неосознанно он протянул руку и нежно коснулся его межбровья.

В прошлой жизни Ли Цинжань любил хмуриться.

В такие моменты Ван Даху делал то же самое — гладил то место между бровями, и хотя тот на словах ворчал, на лице появлялось довольное выражение.

Ван Даху смеялся, называя его котенком, которого обязательно нужно погладить по шерсти.

Погруженный в воспоминания, он не заметил, как после этих прикосновений человек рядом тихо открыл глаза.

— Ци-Цинжань, ты проснулся!

Ван Даху мгновенно сел, возбужденно касаясь его щек.

Однако, хотя Ли Цинжань и очнулся, его состояние было очень странным.

Он сидел неподвижно, словно кукла без души.

Ван Даху почувствовал острую боль в сердце.

Зря он прожил вторую жизнь, если до сих пор не может найти ни слова, чтобы его утешить.

— У меня есть ты!

Ван Даху бросился к нему и крепко прижал к себе, повторяя:

— У меня есть ты!

Возможно, он повторил это десятки или сотни раз, и когда он снова произнес эту фразу, раздался тихий, едва слышный всхлип. Звук был тихим и тонким, но полным подавленной печали и безнадежности.

Единственное, что мог сделать Ван Даху — это крепче обнять его, телом показывая:

У меня есть ты.

На следующее утро Ван Даху открыл глаза.

Ли Цинжань все еще был в его объятиях, слегка пошевелился и случайно разбудил его.

Их взгляды встретились.

Ван Даху первым показал зубы в улыбке.

— Проснулся? По спи еще, рассвет совсем скоро.

Ли Цинжань тихо посмотрел на него, опустил глаза и ничего не ответил.

Зная его так же хорошо, как в прошлой жизни, Ван Даху понял: этот котенок согласен.

Заправив одеяло, Ван Даху оделся, умылся и пошел хлопотать на кухню.

Вчера вечером бабушка приготовила четыре блюда, осталось еще тушеное мясо в соевом соусе и свиные ребра с фасолью. Ван Даху поджарил яичницу, а на гарнир были рисовая каша и булочки из пшеничной муки.

Он разбудил его и кормил с рук.

Но тот ел очень мало, если бы не насильственное кормление, возможно, и полчашки бы не съел.

Поев, Ли Цинжань захотел слезть с кана.

Ван Даху поспешил спросить, куда он хочет?

Долгое время спустя, он произнес:

— Домой.

Даже если мамы там больше нет, папа все еще есть, так что это дом. Не дом Ван Даху, а дом, принадлежащий только Ли Цинжаню.

— Я провожу тебя.

Одежда Ван Даху на Ли Цинжане висела мешком, делая его под ней еще более худощавым. Держа его за руку, они молча пошли к восточной окраине деревни. Все та же одинокая большая соломенная хата. Только они вошли, как из дальней комнаты послышались звуки ударов о дверь и прерывистые стоны мужчины.

Ван Даху нахмурился и тихо спросил:

— Давно он так себя ведет?

— ...С тех пор, как мама ушла.

Для душевнобольного самое тяжелое — это внешние раздражители, и уход Кун Сюемей, несомненно, снова разжег безумие Ли Чангуя.

Слишком опасно!

Ван Даху сжал кулаки.

В прошлой жизни он погиб от ножа женщины-психопатки, поэтому он хорошо знал, насколько опасны такие люди.

Ли Чангуй и раньше был склонен к насилию: избивал жену, пока она была. А теперь, когда жены нет, не станет ли он бить сына? Цинжань еще так мал, а сам он не может постоянно находиться рядом. Если вдруг что-то случится, разве не будет он жалеть об этом до конца дней?

За мгновение Ван Даху принял решение.

Он ни за что не оставит Ли Цинжаня с ним.

Три дня спустя машина из городской психиатрической больницы въехала в деревню Синье и забрала папу Цинжаня, Ли Чангуя. Услышав новость, деревенские любопытные толпой пришли смотреть, хихикали и тыкали пальцами, говоря, что давно пора было выгнать этого сумасшедшего Ли Чангуя.

Ван Даху все время стоял рядом с Ли Цинжанем, глядя, как тот в полном отчаянии стоит у двери в одиночестве. Он видел, как его насильно заталкивают в машину.

— Дядя поехал лечиться!

Ван Даху сжал его ледяную холодную ладошку без малейшей теплоты и нежно сказал:

— Когда вылечится, вернется.

— Мама ушла, папа тоже ушел, теперь в этом доме остался только я.

— Все будет хорошо!

Ван Даху крепко обнял его:

— Все наладится!

Мама сбежала с другим мужчиной, папа попал в психушку, и семилетний Ли Цинжань остался без присмотра. По этому поводу староста деревни Ван Шоуминь первым делом связался с родней Кун Сюемей по материнской линии. К сожалению, та семья сама была бедна — звенела от нищеты, так как же они могли еще добавить один рот к своим?

И когда Ван Шоуминь был в безысходности, Ли Цинжань сам подошел к нему и твердо сказал:

— Я буду сам!

Видя этого ребенка, одного возраста с его внуком, но с такой тяжелой судьбой, Ван Шоуминь искренне сочувствовал ему. Он наклонился, погладил макушку Ли Цинжаня и ласково сказал:

— Дурачок ты, ребенок, тебе сколько лет? На что ты будешь жить?

Ли Цинжань помолчал, потом ответил:

— Я умею полоть, сажать рассаду, удобрять, еще умею плести клетки для сверчков из бамбуковых полосок. Я плету очень красиво, можно продать на улице.

Такой маленький ребенок, а уже столько натерпелся! Ван Шоуминь тяжело вздохнул, покачал головой, только собиравшись что-то сказать, когда Ли Цинжань вдруг произнес:

— Дедушка староста, я никуда не пойду, это мой дом, я буду ждать того дня, когда мама и папа вернуться.

Глядя в глаза этого ребенка, полные печали и решимости, Ван Шоуминь не смог произнести слова, которые уже были у него на языке.

Так, по вопросу устройства Ли Цинжаня он предложил вариант, который был не решением, но выходом.

У семьи Ли Цинжаня в деревне Синье всего было двадцать му земли. Сельский комитет взял на себя подряд по аренде их земли, ежегодно выплачивая ему десять мешков риса, десять мешков пшеничной муки и 2 500 юаней. А Ван Шоуминь стал его временным опекуном. Так Ли Цинжань наконец-то временно избежал судьбы попадания в детский дом.

— Доволен?

Когда никого не было, Ван Шоуминь стукнул своей старой трубкой и недовольно сказал:

— Ты должен знать, что это в конце концов не выход надолго.

Ван Даху потер руки и почтительно улыбнулся.

Ван Шоуминь сверкнул на ним глазами, не понимая, откуда у его внука, такого еще маленького, такая быстрая соображалка? Даже такие странные мысли может придумать.

— Этому парню впереди много горя.

—

<http://bllate.org/book/16441/1490706>